

ЕЛЕНА
КОСТЕЦКАЯ

АДВОКАТ ВАМПИРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К72

Елена Костецкая
АДВОКАТ ВАМПИРА

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплете *Юлии Мифоновой*
Иллюстрация на форзаце *Эльвиры Поздняковой*

Дизайн переплета *Александра Шпакова*

Костецкая, Елена.
К72 Адвокат вампира / Елена Костецкая. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Nova Fiction. Русское
городское фэнтези).

ISBN 978-5-17-181137-2

В туманном Лондоне, где высший свет трепещет перед загадочным красавцем-вампиром, а по ночным улицам рыщет неуловимый убийца, разворачивается захватывающее расследование! Опытный адвокат берётся защищать древнего кровопийцу и оказывается втянут в паутину интриг. Здесь переплетаются судьбы легендарного Призрака Оперы, неустрашимого Ван Хельсинга, прекрасной Ирен Адлер и самого графа Дракулы. Роскошные балы, тайные общества, смертельные загадки, кровавые убийства... Сможет ли адвокат спасти своего клиента или сам станет жертвой вечных кровавых игр? Добро пожаловать в мир, где правда опаснее лжи, а правосудие балансирует на грани между человеческим законом и законами ночи!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-181137-2

© Костецкая Е., 2026
© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2026

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ГОСТЬ
ИЗ ТРАНСИЛЬВАНИИ**

Глава 1. Странное существо

Временами казалось, что солнце в Лондоне не светит никогда. Днем оно скрывалось то за мрачно-свинцовыми тучами, то за плотной пеленой тумана, и луна отражалась в хлюпающих под колесами лужах гораздо чаще дневного светила. С закатом жизнь в этой части города замирала. Местные жители предпочитали уют и безопасность за надежно запертыми дверями, не торопясь открывать на стук: джентльмену вряд ли придет в голову нанести неожиданный визит в поздний час.

Полнолуние миновало три дня назад, но бледно-желтый диск еще оставался достаточно большим и ярким, чтобы освещать блестящие после недавнего дождя камни мостовой. По темному небу пробегали облака, то и дело закрывая луну и погружая улицу в крошечный мрак, неохотно отступавший от света фонарей. Даже самому важному человеку, случись ему оказаться на этой улице в такое время, стало бы неудобно.

Кэб свернул за угол, проехал немного и остановился, выпуская единственного пассажира. Деньги перешли из рук в руки, короткий обмен фразами — и возница тронул поводья.

Пассажир, светловолосый молодой человек, проводил взглядом удаляющийся экипаж, натянул перчатки и, подняв воротник пальто, быстро зашагал вдоль улицы по направлению к одинокому дому.

Вблизи дом выглядел rispetable, и в нем ощущался даже своеобразный шарм. Который час? Пришлось расстегивать пальто и лезть в карман жилета за часами, но не успел молодой человек рассмотреть, куда указывают стрелки, как за его спиной послышались шаги. Чиркнула спичка, пламя, коротко зашипев, разогнало темноту и отразилось в круглых стекляшках очков.

— Профессор? Кажется, я заставил вас ждать? — виновато произнес молодой человек.

— Всего пять минут, — успокоил его тот, кого он назвал профессором. Это был мужчина неопределенного возраста: возможно, старше пятидесяти, но явно моложе шестидесяти, крепко сложенный и энергичный, в длинном пальто и широкополой шляпе, такой полезной в последние дни, когда мелкие дожди взяли город в осаду. Протянув руку, он уже коснулся дверного молотка и замер. — Вы не слышите ничего странного, Джонатан?

Молодой человек по имени Джонатан склонил голову, прислушиваясь. Он понял, что имел в виду профессор: его слуха тоже коснулся далекий протяжный вой.

— Бродячий пес?

— Нет, это не пес.

— Тогда волк. Опять сбежал из зоологического сада, — вздохнул молодой человек и постучал в дверь.

Им открыли почти мгновенно. Стоявший на пороге пожилой джентльмен окинул гостей пытливым взглядом.

— Доброй ночи, мистер Перкинс. — Профессор снял шляпу и слегка поклонился. — Я профессор Абрахам Ван Хельсинг, а это мой помощник, мистер Джонатан Харкер.

— Доброй ночи, господа! — сказал хозяин. — Входите же скорее!

В доме было тепло. Передав прислуге верхнюю одежду, гости проследовали за хозяином в уютную залу, освещенную пламенем камина и единственным газовым рожком.

— Хересу? Или, — мистер Перкинс сделал паузу, — бренди?

Профессор Ван Хельсинг и Джонатан переглянулись, и молодой человек решительно покачал головой.

— С вашего разрешения, мы хотели бы сначала побеседовать о деле.

...Беседа заняла почти час. Но вот договоренности достигнуты, скреплены подписями и рукопожатиями, и бутылка отличного бренди на каминной полке дождалась наконец своего часа.

— Я подготовлю все необходимые бумаги завтра к полудню, — сказал Джонатан на прощание и протянул мистеру Перкинсу визитную карточку: «Хельсинг и Харкер. Юридические консультации широкого профиля».

— Буду ждать вас к обеду, — сказал хозяин и пожелал всех благ.

Говорят, в Лондоне погода меняется по десять раз на дню, но чередует лишь оттенки мерзостно-

сти. За то время, что они провели у мистера Перкинса, стало ощутимо холоднее, а сырость превратилась в настоящую пытку. Профессор и его молодой помощник поспешили к стоянке кэбов, ибо сама мысль о том, чтобы идти до дома пешком, наводила ужас.

— Скучное дело, — буркнул профессор Ван Хельсинг на ходу.

— Раньше мне гораздо чаще приходилось выполнять куда менее вдохновляющие задания, — возразил Джонатан. — А здесь всего несколько часов работы за неплохое вознаграждение, еще немного — и можно будет снять отдельное помещение под контору.

— Меня вполне устраивает прием клиентов дома, — поморщился Ван Хельсинг.

— Зато это не устраивает миссис Тёрнер, — напомнил помощник. — Не так давно она наемнула, что еще парочка визитов господ, подобных мистеру Эдвардсу, и нас попросят съехать.

Ван Хельсинг не ответил.

Ждать пришлось недолго, уже через минуту до них донесся стук копыт, и из-за угла появился столь желанный двухместный хэнсомовский кэб, запряженный бодро переступающим серым мерином.

— Эй, господа, не найдется ли у вас пары шиллингов для ветерана Трансваальской кампании? — услышали компаньоны скрипучий голос. Его обладатель был явно не в ладах с английским, да и собственным языком ворочал не слишком уверенно.

Но прежде чем они ответили — отказом ли, сочувствием ли, — снова выглянувшая из-за облака

луна осветила просителя: почти полностью скрывающую лицо буйную растительность, заостренные уши, горящие глаза с вертикальными зрачками и грубые желтые когти на корявых, будто изломанных болезнью пальцах. Монстр ухмыльнулся, наслаждаясь произведенным впечатлением, и прыгнул.

Когти прошили пальто, распарывая толстую ткань как легкую кисею, сталкивая жертву на землю и на волосок не дотянувшись до живой плоти, — чудом Джонатану Харкеру удалось уклониться. Раздался выстрел, и нападавшего отбросило назад.

— Джонатан, вы целы? — Ван Хельсинг опустился на колено рядом, не сводя с твари дымящегося револьвера. Скрючившаяся фигура тихо зарычала, подобралась и снова прыгнула. Профессор выстрелил второй раз, но невероятным образом чудовище уже в воздухе изменило направление прыжка, и пуля, едва задев его, чиркнула о каменную стену. Приземлившись на все четыре лапы, монстр ловко перекатился через плечо, поднялся на ноги, рыча. Одетая в старый, потрепанный костюм неразличимого уже цвета, эта тварь выглядела омерзительной помесью зверя и человека, насмешкой природы. Мгновение ползуверь смотрел на них, а потом, резко повернувшись, бросился прочь.

— За ним! — азартно приказал Ван Хельсинг.

Все случилось в считанные мгновения, кэбмен не успел ни испугаться, ни выругаться, ни в спешке уехать. Двое поздних пассажиров на ходу вскочили в его экипаж, младший сунул

ему в руку соверен, старший указал в направлении быстро удаляющейся тени. Не задавая вопросов, возница хлестнул вожжами, и кэб сошел с места.

Монстр петлял, как огромный уродливый заяц, преследуемый гончими. Несколько раз он подпрыгивал, пытаясь уцепиться за карниз, но все время срывался, рыча от боли и негодования, — пуля не слишком навредила твари, не задела жизненно важных органов, но все же ослабила.

Кэб неся следом, насколько позволяли его маневренность и лошадиная прыть. Расстояние сокращалось. Казалось, еще немного — и преследователи настигнут свою цель. Ван Хельсинг щелкнул барабаном револьвера и довольно усмехнулся.

Быстрел оставил выбоину в камне там, где всего секунду назад была голова чудовища, следующий заставил зверя с визгом поджать лапу. Но затем, собрав все силы, сжавшись в комок, зверь прыгнул с места вверх и все же ухватился передними лапами за край стены. Отчаянно извиваясь всем телом, скрежеща по камню, почти падая и чудом преодолевая дюймы, он вскарабкался и тяжело перевалился через край.

Кэб затормозил, выпуская пассажиров. Джонатан Харкер подбежал к стене, задрал голову — ему на миг привиделись два пылающих злобой огня в цельном сгустке мрака — и сжал зубы. Ван Хельсинг опустил на корточки и достал спички. На грязной мостовой растекались капли густой алой крови, и он аккуратно промокнул лужу платком, сложил тряпицу и спрятал обратно в карман.

— Вы уверены, что он вас не ранил, Джонатан? — спросил Ван Хельсинг. — Зубы этой твари могут быть не менее опасны, чем укусы носферату.

— Нет, я цел, — ответил помощник. — Это человек или зверь?

— И то и другое. Зверь, обладающий разумом и жестокостью человека, или человек с силой и кровожадностью зверя. Выбирайте, что вам больше по душе.

Джонатан провел рукой по изорванному пальто, и его запоздало передернуло.

— Обычно они не появляются в городе, — продолжил профессор. — Их вотчина — леса и пустоши. Разве что... кто-то его сюда привез. Приручил.

— Приручил? — Харкер поморщился. — Этот... это существо в качестве домашнего питомца — крайне эксцентричный выбор, вы не находите?

— Возвращаемся домой, — скомандовал Ван Хельсинг. — И знаете, друг мой, у меня дурное предчувствие...

Словно в подтверждение его слов, где-то вдали вновь раздался вой, в котором звериная боль соединялась с человеческой ненавистью.

Глава 2. Неожиданные встречи

Прием был в самом разгаре, а кареты все прибывали и прибывали. Лакеи в горячке метались между гостями, шампанское томилось в ведерках со льдом, гул голосов отражался от зеркал, зрительно увеличивавших и без того огромный зал, и поднимался к высоким потолкам с позолоченной лепниной. Дамы сверкали бриллиантами, как райские птички, кавалеры в своих черных фраках и белых манишках напоминали пингвинов. По крайней мере, именно пингвины пришли на ум Ирен Адлер, когда она, подхватив с проплывавшего мимо подноса бокал, прокладывала себе дорогу к небольшой группе, окружившей леди Аскот, хозяйку вечера.

Леди Аскот, урожденной Мари Дюваль, в этом году исполнилось двадцать восемь. Злые языки утверждали, что полковник Аскот женился на девушке не из своего круга по причине прогрессирующего склероза (полковнику перевалило за семьдесят), что она годится в дочери его младшему сыну, и «помяните мое слово, душечка, она уморит старика через месяц». Прошло пять лет, и стараниями леди Аскот и благодаря состоянию ее мужа приемы в их доме стали украшением лондонского высшего

общества. Получив приглашение, не явиться в назначенный день и час можно было только по причине собственной безвременной кончины, все остальные отговорки в расчет не шли.

Ирен принимали в доме леди Аскот. И сразу по прибытии в Лондон она нанесла визит в особняк на Парк-лейн — возобновить знакомство и послушать сплетни о том, какие ветра нынче дуют в свете.

Покидая Англию немногим более года назад, Ирен Адлер не задумывалась о возможном возвращении. Она позволила эмоциям взять верх над разумом и купила в агентстве Ллойда билет в один конец до Нью-Йорка. Из Соединенных Штатов Америки она сперва собиралась уехать в Канаду, но передумала и вернулась в Европу. Сентябрь застал ее на Лазурном берегу Франции, октябрь она провела на озере Комо, а наступление ноября встретила в Вене. Именно в партере Венской Оперы, наведя бинокль на оркестр — действие на сцене навевало скуку, — она поняла, что пора в Лондон. Незаметно для нее время залечило душевные раны, а может, не время тому было причиной, а ее собственный легкий нрав. Вдруг ей отчаянно захотелось встретить Рождество в Англии, и чтобы непременно нарядить елку до потолка, и за окном чтобы шел снег, впрочем, кого она обманывает, снег в Лондоне на Рождество — такая же диковинка, как экспонаты Кунсткамеры в Санкт-Петербурге.

Оставив позади почти всех «пингвинов», Ирен задержалась на несколько секунд, чтобы ответить на приветствие какой-то пары — он с напомаженными редкими волосами и она в вульгарном

оранжевом платье. Их фамилия вертелась в голове, но так и не вспомнилась, впрочем, на ослепительности улыбки временная потеря памяти никак не отразилась. Запив шампанским эту встречу, Ирен посмотрела по сторонам, ища, куда пристроить пустой бокал, и поймала чужой взгляд.

Юноша, почти мальчик, стоял у стены, заложив руки за спину и чуть выставив вперед ногу. Гладко зачесанные назад волосы в газовом свете люстр отливали золотом, яркие цвета наряда — в отличие от большинства гостей, он был не во фраке, а в чем-то пышном, иностранно-экзотичном — подчеркивали восковую бледность лица, на котором выделялись полные чувственные губы, алые настолько, что вряд ли такой цвет имел естественное происхождение. Юный гость леди Аскот, откинув назад голову, откровенно рассматривал Ирен, и это было почти неприлично.

— Мисс Адлер! — окликнула ее хозяйка бала и поманила веером. — Как я рада, моя дорогая, что вы пришли!

Леди Аскот занимала выгодную позицию: поднявшись на несколько ступенек по лестнице, она оказалась примерно на дюйм выше Ирен. Последовал положенный обмен любезностями. Как и многие другие, чье высокое положение было получено не по рождению, леди Аскот очень боялась выглядеть смешно или неприлично. Она строго следила за модой — на платья и театральные пьесы, на мужчин и поездки за границу, — добившись безупречности не наличием вкуса, но упорным трудом. К Ирен леди Аскот испытывала двоякие чувства. С одной стороны, она восхищалась, с ка-

ким безразличием мисс Адлер относилась ко всему модному, руководствуясь только собственным мнением и вкусом. С другой — ее раздражала та легкость, с которой Ирен вписывалась в любое общество, — дар, недоступный леди Аскот. Отношение к ней самой Ирен было сродни любованию породистой кошечкой: можно погладить и послушать, как мурлыкают несколько сотен фунтов, но для ловли мышей такие существа абсолютно непригодны.

За пять минут леди Аскот рассказала почти обо всех гостях, заслуживающих более или менее пристального внимания. В их число попали лорд Дарнем, недавно вернувшийся из Египта, французский посланник, по слухам, недурно сочиняющий стихи, а также новинка сезона — прибывший откуда-то из Австро-Венгрии аристократ с труднопроизносимой фамилией.

Удачно уклонившись от знакомства с французом, Ирен все-таки была вынуждена улыбаться английскому египтологу. Когда тот заявил, что заочно уже знаком с мисс Адлер, та весьма удивилась, но потом с помощью наводящих вопросов узнала, что он женат на даме, с которой Ирен была дружна одно время. Заручившись согласием «драгоценной мисс Адлер» на посещение будущей выставки в Британском музее, лорд Дарнем откланялся и с исключительной ловкостью ввинтился в толпу.

Ирен рассеянно обвела взглядом огромную залу и собравшихся в ней гостей, задержавшись на одном из них. Наверху парадной лестницы стоял человек, которого она знала — как знают все друг

друга в этом обществе. Богач, коллекционер, мужчина поразительной красоты, мистер Дориан Грей, единственный, кто мог бы позволить себе проигнорировать приглашение леди Аскот, будь его на то желание, и чье присутствие добавляло приему еще больше блеска. Ирен отметила про себя, что он совершенно не изменился с последней встречи, случившейся, кажется, два года назад. Два года — небольшой срок, особенно для джентльмена, заботящегося о своем здоровье, но это совершенство слегка пугало...

Из-под ее локтя вынырнула рука, блеснула бриллиантом в перстне, тонкие бледные пальцы с ухоженными ногтями обхватили ножку бокала. Ирен повернула голову.

— Нижайше прошу простить меня за манеры, — сказал гость леди Аскот, бледный юноша с алыми губами. — Могу ли я предложить вам... — И он протянул Ирен бокал, чуть оттопырив мизинец с красующимся на нем перстнем.

— Благодарю, — кивнула она, пользуясь возможностью рассмотреть незнакомца. Длинные прямые волосы на самом деле были не золотистыми, как ей показалось вначале, а платиновыми, и, когда юноша на миг обернулся, Ирен отметила, что они почти достигают талии. Это не было в моде в Лондоне, да, пожалуй, и нигде, и вряд ли кто-то еще среди здешних гостей мог позволить себе подобную прическу... и почти варварски роскошный наряд, который на любом другом смотрелся бы вульгарно, но удивительно подходил юноше. На тонком одухотворенном лице не было ни морщинок, ни родинок, вероят-